

КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ПРОБЛЕМА ОБЩЕЙ ПСИХОЛОГИИ

О.И. Муравьева (Томск)

Аннотация: В статье анализируется соотношение понятий сущность, личность, общение, коммуникативная компетентность, дается феноменологическое описание основных коммуникативных стратегий, предлагается новое определение коммуникативной компетентности.

Ключевые слова: сущность, личность, общение, коммуникативная компетентность, коммуникативная стратегия.

Научные исследования коммуникативной компетентности (КК) имеют достаточно большую историю [9, 10, 13, 17, 27]. Традиционно эта проблема относится к области социальной психологии, и психологи, как теоретики, так и практики, не выходят за рамки социально-психологического категориального аппарата, анализируя фактически внешние, хотя и очень важные аспекты КК, такие как цели общения, правила, роли, физическая среда и т.п. Однако актуальные тенденции в развитии психологии требуют рассмотрения этой проблемы на новом теоретическом уровне. Чем же характеризуется современное состояние психологии? Многие психологи-теоретики [1, 20] констатируют методологический кризис как в области общей психологии, так и в отраслевых психологиях. Этот кризис выражается в том, что в ставших классическими парадигмах и методологиях становится невозможным объяснить вновь открываемые факты, феномены, закономерности. Методологический и теоретический поиски уже привели к введению в категориальный аппарат психологии принципиально новых базовых категорий, таких как духовность, ноэзис, сущность, понимание, персональный миф, оформляются новые научные направления: нравственная психология, ноэтическая психология, виртуальная психология, так называемая «новая психология» и др.

Другой не менее важной особенностью методологического кризиса в современной психологии, по мнению А.Г. Асмолова, является то, что «все более резким становится разрыв между общей психологией и «особенными» психологиями, «особенные» психологии утрачивают основу, методологию, которую всегда давала общая психология» [1]. Нельзя сказать, что социальные психологи не осознают сложившейся ситуации. Так, П.Н. Шихирев, намечая «контуры будущей парадигмы» в социальной психологии, в качестве центральных объяснительных категорий видит категории «духовности», «нравственности», «ценностного отношения» и «связанные с ними психологические и социально-психологические феномены, как например, доверие, зависть, угрызания совести» [25. С. 379]. Таким образом, мы наблюдаем, что методологический поиск общих и социальных психологов ведется на одном категориальном поле.

В связи с наличием вышеобозначенных современных тенденций в развитии научной психологии становится актуальным исследование любой проблемы социальной психологии (а проблема КК, конечно же, является одной из них) в более широком, нежели социально-психологический, контексте. Такой контекст, с моей

точки зрения, может обеспечить привлечение таких категорий, как сущность, личность, общение.

СУЩНОСТЬ, ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕНИЕ

Необходимость придания психологической легитимности категории «сущность» логически обосновывает В.И. Слободчиков: «...даже если согласиться, что человеческая психика – это свойство человека, то по самой логике рассуждения следует: понять это свойство (выразить его в понятиях), можно лишь имея хотя бы минимальное представление о сущности того, свойством чего оно является. Иными словами, психология должна иметь (или строить) собственное представление о сущности человека, дабы мочь что-то сказать о его свойствах...» [20. С. 63].

А.Б. Орлов делает попытки содержательно определить понятие сущности. В своей статье «Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека» [16] он ставит вопрос о том, что в человеке является подлинным субъектом? В качестве определения этого подлинного субъекта автор привлекает категорию сущности. «Для обозначения данного субъекта как трансперсональной (то есть за- и внеличностной и, следовательно, за- и вне-социальной) психической реальности мы вслед за Г.И. Гурджиевым и его последователями используем термин «сущность» («essence»). Этот термин, восходящий к латинскому слову «essere» – бытие, в аналогичном значении (сущность в себе – Ин-се) используется также в концептуальном аппарате онтопсихологии. В рамках гуманистической психологии данную инстанцию обычно обозначают термином «Внутреннее Я»» [16. С. 14].

А.Б. Орлов настаивает на предельно высоком понимании сущности. Он утверждает, что Внутреннее Я есть источник силы и мудрости. Обращаясь к идеям Р. Ассаджиоли, А.Б. Орлов отмечает: «Психосинтез, как психотерапевтическая процедура, предполагает осознание клиентом субличностей с последующим разотождествлением с ними и обретением способности контролировать их. Вслед за этим клиент постепенно обретает осознание объединяющего *внутреннего центра* и интегрирует субличности в новую психологическую структуру, открытую для *самореализации, творчества и радости жизни*» [16. С. 12]. Такое «высокое» понимание сущности характерно для многих направлений исследований: трансперсональной психологии, эзотерической психологии, русской христианской философии. Думается, что оно сложилось оттого что маятник слишком

далеко отклонился и долго находился на другом полюсе понимания и объяснения человека как «общественного животного», «комплекса реакций». В настоящее время маятник движется в другую сторону и по закону инерции доходит до другого крайнего полюса.

Однако если мы определяем сущность, исходя из понятия «бытие», то не можем не констатировать, что человеческое бытие разное, как «высокое» (духовность, любовь, свобода, творчество), так и «низкое» (телесность, зависимость, реактивность, страх). А.Б. Орлов, анализируя соотношение личности и сущности, пишет: «Сущность не есть личность, личность не есть сущность. Сущность и личность – различные психические инстанции. Личность возникает и формируется в области предметного содержания, сущность локализована на субъектном полюсе субъект-объектного взаимодействия. Если главная характеристика личности – ее атрибутивность, то главная «особенность» сущности – отсутствие каких-либо атрибутов. *Сущность – источник всех и всяких атрибутов*» [16. С. 14]. Но если это так, то нельзя не согласиться с тем, что сущность является источником как «высокого, духовного» в человеке, так и «низкого, телесного». Человек есть и то и другое одновременно.

Возникает вопрос, что же определяет эту двойственность? Да, «сущность неизменно пребывает в плане ноуменов, бытия» [16. С. 14], но ведь сущность «пребывает» и в конкретном физическом теле, в конкретных социокультурных условиях, в конкретный промежуток времени, измеряемый физической жизнью человека. Эта изначальная двойность земной жизни порождает два основных модуса реализации, осуществления человека (личности, сознания и т.д.): «нисходящий» модус, утверждающий человека в его индивидуальном, прежде всего физическом существовании, и «восходящий» модус, утверждающий человека в его духовном существовании. «Вертикаль души раздираема и подвижна непримиримым в этой жизни до конца противоречием. В философии оно нередко означает как родовидовое, как противоречие между безграничностью, безмасштабностью, трансцендентностью человека как представителя рода человеческого и одновременно его явной ограниченностью, хрупкостью, конечностью как конкретного индивида... Эти два разнонаправленных вектора – к бесконечному, вечному, горнему и конечному, ограниченному, дольнему – по-разному преломляются, вмещаются в человека в зависимости от его наличной духовно-психологической структуры» [15. С. 45].

Примечательно, что эту изначальную двойственность отмечают и авторы, исследующие эту проблему из принципиально иных, нежели научные, методологических оснований. Так, Алиса А. Бейли в книге «Эзотерическая психология» подчеркивает, что «человечество есть выражение двух аспектов души: животной души и божественной души; обе, сопряженные и сплавленные в человеке, образуют человеческую душу. Именно сей факт вызывает особые проблемы у человека, и оба эти фак-

тора втягивают его в долгую борьбу, которая заканчивается освобождением божественной души благодаря очищению души животной». В данных словах много пищи для размышления. «И будут два одним» [3. С. 181]. Эта изначальная двойственность и определяет драму человеческой жизни, драму выбора между нисходящим и восходящим модусами осуществления, драму преодоления (или непреодоления) «видовой» сущности во имя утверждения и реализации «родовой» сущности человека.

Где же тот механизм, инструмент, психологическая инстанция, при помощи которой человек может реализовать свою родовидовую сущность в условиях земной жизни? Многие авторы сходятся во мнении, что таким инструментом является личность. «Личность не самоценна – она инструмент развития и реализации человеческой сущности, которая, возможно, беспредельна» [11. С. 9]. «Личность как специфическая, не сводимая к другим измерениям конструкция, не является самодостаточной, в себе самой несущей конечный смысл своего существования. Смысл этот обретается в зависимости от складывающихся отношений, связей с сущностными характеристиками человеческого бытия. Иначе говоря, сущность личности и сущность человека отделены друг от друга тем, что первое есть способ, инструмент, средство организации достижения второго и, значит, первое получает смысл и оправдание во втором, тогда как второе в самом себе несет свое высшее оправдание. Действует, любит, ненавидит, борется не личность, а человек, обладающий личностью, через нее особым, только ему присущим образом организующий свою деятельность, любовь, ненависть и борьбу» [4. С. 58–59].

Из такого понимания личности следует, что личность является опосредованной инстанцией между истинным субъектом, то есть сущностью, и объективной реальностью. Однако личность не вытекает из сущности, а сущность не формирует личность, но, как мы уже отмечали, сущность реализует себя при помощи личности как внутреннего «психологического орудия». Личность же – это *социальное* по своей природе (в отличие от темперамента, характера и ряда других психологических структур) психологическое образование, которое возникает, развивается и «умирает» в течение человеческой жизни. Каков же тот реальный социальный процесс, в котором личность, с одной стороны, формируется и развивается, а с другой стороны, проявляется, эксплицируется? Известно, что только что родившийся младенец не отделяет себя от окружающей среды, он слит с миром. Однако практически сразу после рождения возникает то, что К. Уилбер назвал «пограничной линией» [21], которая как разделяет, так и объединяет ребенка с миром. Подобно тому, как между рекой и сушей не существует четкой раз и навсегда установленной границы, а скорее, имеется некое пространство, которое принадлежит одновременно и реке, и суше, между родившимся человеком и миром возникает такое же промежуточное пространство, которое принадлежит и ребенку, и

миру. Есть все основания предполагать, что коммуникация, общение и есть это особое промежуточное пространство. Индивид *Homo Sapiens* наследует или, точнее, осваивает свою человеческую природу, включаясь в необходимые для осуществления самой его жизни исторические формы общения с другими людьми...

На это указывают авторы, находящиеся на самых разных теоретических позициях. Л.С. Выготский утверждает, что «понятие о Я развивается у ребенка из понятия о других. Понятие о личности есть, таким образом, социально отраженное понятие, строящееся на основе того, что ребенок применяет по отношению к самому себе те приемы, приспособления, которые он применял по отношению к другим. Вот почему можно сказать, что ЛИЧНОСТЬ – есть социальное в нас» [7. С. 162]. Б.Ф. Ломов, подчеркивая значение категории общения как общепсихологической категории, пишет: «Представляя собой существенную сторону реальной жизнедеятельности субъекта, общение выступает поэтому и в роли важнейшей детерминанты всей системы психического, ее структуры, динамики и развития» [12. С. 248]. И далее: «В процессах общения индивид присваивает свою родовую сущность» [12. С. 261]. В.Н. Мясичев в своей базовой монографии «Психология отношений» подчеркивает, что «самое главное и определяющее личность – ее отношения к людям, являющиеся одновременно *взаимоотношениями*. В этом пункте субъективное отношение, отчетливо проявляясь в реакциях и действиях, обнаруживает свою объективность, а индивидуально-психологическое становится социально-психологическим» [14. С. 206]. Еще более ярко та же мысль высказывается С.Л. Рубинштейном. «Первейшее из первых условий жизни человека – это другой человек. Отношение к другому человеку, к людям составляет ткань человеческой жизни, ее сердцевину. «Сердце» человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, чего оно стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать. Психологический анализ человеческой жизни, направленный на раскрытие отношения человека к другим людям, составляет ядро подлинно жизненной теории. Здесь вместе с тем область стыка психологии с этикой» [19. С. 262–263].

Что касается зарубежных теорий личности, то ни одна из них фактически не обошла вопрос о роли общения в процессе развития и функционирования личности. Так, А. Адлер и представители неопрейдизма (К. Хорни, Г. Салливан, Э. Эриксон) прямо указывают на наличие базовых социальных мотивов в структуре личности, с одной стороны, и, с другой стороны, рассматривают развитие и формирование определенного типа личности как результат того или иного отношения родителей к ребенку. К. Роджерс утверждает, что только в самом начале

жизненного пути человека его Я регулируется исключительно организмическим оценочным процессом, однако очень скоро структура Я начинает формироваться через взаимодействие с окружением, в частности, со значимыми другими (например, родителями, братьями, сестрами, др. родственниками). Следовательно, в значительной степени содержание такой базовой характеристики личности, как Я-концепция, является продуктом процесса социализации. Определяя условия для формирования здоровой, нормальной личности и личности аномальной, К. Роджерс в качестве таковых называет, во-первых, механизмы позитивного безусловного внимания со стороны значимых других как главный фактор развития здоровой самоактуализирующейся личности; во-вторых, механизм обусловленного позитивного внимания как фактор, наносящий ущерб нормальному психологическому развитию ребенка [18]. Многочисленные экспериментальные исследования как у нас в стране, так и за рубежом также подтверждают это теоретическое положение.

Современные направления в социальной психологии, такие как «социальный конструктивизм» [29], критическая социальная психология [28] предельно заостряют роль и значение общения не только для социальных процессов, но и для индивидуально-психологических. К. Герген формулирует так называемую «социорационалистическую метатеорию». В отличие от традиционной теории она исходит из того, что не внутренние процессы, происходящие внутри индивидуального сознания производят то, что называется знанием, а социальный процесс коммуникации. «Рациональность порождается именно внутри процесса социального обмена» [29]. Этот же подход реализуется и в исследовании эмоций. Сами эмоции объявляются социальными отношениями и утверждается их фактическая социальная детерминация. Перефразируя знаменитую формулу У. Джемса «Я плачу не потому, что мне грустно, а мне грустно, потому что я плачу», конструктивист утверждает: «Я злось не потому, что обижен несправедливо, а потому, что этот поступок я определил на известном мне языке как несправедливый».

Опираясь на эти положения, К. Герген призывает социальных психологов «отказаться от ошибочной практики исследования как проверки гипотез в эксперименте и задуматься о том, как поставить методы на службу выражения мысли (*intellectual expression*), а выражение мысли – на службу своего видения добра» [29. Р. 361]. Эти положения образуют то, что К. Герген называет «эпистемологией», претендующей на статус «второй революции в психологии» (первой была когнитивная). Суть этой революции, по выражению К. Гергена, заключается в преобразовании тезиса Р. Декарта: «*Cogito ergo sum*» (Я мыслю, следовательно, существую) в «*Communicamus ergo sum*» (Мы общаемся, следовательно, я существую).

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ИСХОДНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕКА

На основе проведенного выше анализа соотношения категорий «сущность», «личность», «общение» можно предложить обобщенную абстрактную модель психологической структуры человека.

Когда человек рождается, он является недифференцированной и непроявленной сущностью. Младенец не отличает себя от мира, он с ним слит, его внутренние психологические структуры недифференцированы, ему еще не свойственны ни эгоцентризм, ни децентрация, у него еще нет ни личности, ни тени, ни персоны. Однако, как мы уже говорили, эта недифференцированная сущность имеет двойную природу (родовидовую), которая реализуется в двух глобальных тенденциях: гомеостатической, обеспечивающей выживание (видовая сущность), и транзитивной, обеспечивающей развитие (родовая сущность). Таким образом, первое «сущностное» измерение человеческого существования дает нам первую дихотомию реализации, проявления человеческой сущности в процессе индивидуального развития.

Вторым основополагающим измерением выступают, если можно так сказать, «предлагаемые жизнью условия» осуществления человеком самого себя, конкретизирующиеся в понятии «среда». В качестве таких самых общих типов «среды» можно выделить внутреннюю (индивид) и внешнюю (мир) среду, которые определяют интровертированную и экстравертированную направленности субъекта. К. Юнг дает феноменологическое описание этих двух направленностей. «Психическая жизнь экстраверта разыгрывается, так сказать, за пределами его самого, в окружающей среде. Он живет в других и через других» [26. С. 653]. «Жизненная философия экстраверта и его этика несут в себе, как правило, высоко коллективистскую природу (начало) с сильной склонностью к альтруизму. Его совесть в значительной мере зависит от общественного мнения... Религиозные убеждения такого человека определяются,

Пересечение «сущностной» и «средовой» координат позволяет выделить четыре основные психологические пространства существования человека: организменное, групповое, личностно-индивидуальное, духовное (таблица).

Необходимость реализации человека в этих пространствах порождает, с одной стороны, процесс дифференциации и образования специфических внутренних психологических структур (личностных, мотивационных, когнитивных, эмоциональных, коммуникативных и т.д.), с другой стороны, процесс интеграции внутренних структур в целостные психологические комплексы (в юнгианском понимании этого термина), которые должны обеспечить адекватное функционирование человека в каждом из пространств. Построенная чисто логическим путем типология в целом подтверждается исследованиями других авторов [4, 6–11]. Вслед за Б.С. Братусем [4] и В.И. Кабриным [11] назовем эти комплексы следующим образом: эгоцентрический уровень, функционально-ролевой, самоактуализационный, духовный – и опишем их в совокупности теми коммуникативными процессами, которые сначала проявляют тот или иной комплекс, а в дальнейшем являются ведущими способами взаимодействия индивида со средой.

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ

Первый такой комплекс образуется в процессе осуществления «видовой» сущности в индивидуальной среде. Модус сохранения (гомеостазиса) призван обеспечить физическое выживание человека как биологического индивида. Главной, предельной задачей этого комплекса является сохранение индивидуальной «телесной оболочки». Для выполнения этой задачи начинают выделяться (дифференцироваться) или формироваться и функционировать индивидуальные психологические приспособительные механизмы (агрессивность, избегание, защитные механизмы и т.д.), которые затем интегрируются в такую обобщенную структуру, как «эгоцентрическая личность».

Таблица

Основные психологические пространства существования человека

«Средовое» измерение человека. Сущностное измерение человека	Интровертированность (индивидуальная среда)	Экстравертированность (групповая среда)
Модус развития («Родовая» сущность)	Личностно-индивидуальное пространство	Духовное пространство
Модус сохранения («Видовая» сущность)	Организменное пространство	Групповое пространство

так сказать, большинством голосов» [26. С. 652–653]. Психическая жизнь интроверта «целиком разыгрывается внутри. Единственно, что является для него неоспоримо верным, это его субъективный мир... Для него любые размышления, раздумья о самом себе – сущее удовольствие... Его лучшая работа совершается с привлечением своих собственных возможностей, по собственной инициативе и собственным путем» [48. С. 655–656].

Функционирование субъекта в организменном психологическом пространстве осуществляется на основе принципов, которые были описаны в классическом психоанализе. К ним относятся прежде всего принцип «удовольствия» и принцип «здесь-и-теперь» (З. Фрейд). Механизмы актуализации эгоцентрического комплекса в процессе индивидуального развития в подавляющем большинстве случаев являются бессознательными. Сре-

ди них можно назвать врожденные инстинкты самосохранения (агрессия и избегание), механизмы идентификации (З. Фрейд) и подражания (А. Бандура).

Эгоцентрический структурный комплекс, выполняя сохраняющие, гомеостатические задачи в жизнедеятельности субъекта, фактически препятствует его развитию. На эгоцентрическом уровне человеку приходится функционировать в условиях принципиальной разграниченности, противопоставления себя миру. Поэтому жизнь человека, у которого доминирует этот комплекс, принципиально конфликтна и непродуктивна, так как даже разрешенный конфликт означает лишь возвращение субъекта в состояние эгоцентрического равновесия. Динамика этого уровня была блестяще описана З. Фрейдом и выражена в терминах застревания, заикливания и т.п. Человек все время «ходит» по одному и тому же замкнутому кругу, возникает иллюзия движения, а значит, жизни, тогда как истинного развития, т.е. перехода в новые качественно более совершенные состояния не происходит.

Основными коиммуникативными «воспитательными» стратегиями со стороны значимых других, которые с необходимостью «высвечивают» эгоцентрический комплекс индивида, являются интракоммуникативные стратегии в вариантах доминирования, манипуляции, избегания, подчинения на основе подавления негативных чувств. Эта же стратегия становится для субъекта преобладающим способом взаимодействия с другими. Общение такого эгоцентрического субъекта превращается в деятельность, в которой выделяются цели и условия, противостоящие ему, и в которых необходимо совершить некие действия. Взаимодействие урезается до воздействия. Другой человек, партнер в такого рода общении, может выступать как средство или как условие, способствующие или препятствующие достижению собственных эгоцентрических целей. В этом случае процесс общения является не объединяющим, а разделяющим процессом, и энергия субъекта и его психологические «умения» направлены на то, чтобы «правильно» надавить, обмануть, перехитрить, подкупить, польстить, отпугнуть и т.п. партнера. «Развитие» человека на этом уровне заключается в усовершенствовании тех средств, при помощи которых субъект может *воздействовать* на физический и социальный мир. Основной формой общения эгоцентрика является монолог.

ГРУППОЦЕНТРИЧЕСКИЙ, ИЛИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-РОЛЕВОЙ УРОВЕНЬ

Модус сохранения (выживания) во внешней среде образует так называемый функционально-ролевой, или группоцентрический комплекс. Существенным условием выживания человека является принадлежность, включенность индивида в группу. Человек как индивид, как представитель вида *Homo sapiens* не только социально, не только личностно, но и физически (по крайней мере, в первые годы после рождения) не может вы-

жить вне какой-либо группы. Это косвенно подтверждает данные о так называемой психической депривации. Существует несколько свидетельств о воспитании и жизни детей вне человеческого общества, однако все эти свидетельства характеризуются тем, что дети выживают только в случае включения их в сообщества, группы животных, и нет ни одного свидетельства, когда ребенок выжил бы будучи полностью изолированным.

В группе возникают групповые ценности, нормы, правила, социальные роли, статусы, групповые «эмпатические» тенденции, которые интериоризируются субъектом и превращаются в индивидуальные ценности, нормы и правила, роли и т.д. Внутренняя индивидуальная интеграция всех вышеперечисленных образований формирует функционально-ролевой комплекс. Следует отметить, что этот уровень в развитии индивида не является структурой, свойственной только человеку. Экспериментальные исследования зоопсихологов и наблюдения этологов показывают, что у животных, живущих в сообществах, существует групповая организация различной степени сложности и дифференцированности [8], наличие достаточно жестких норм поведения, характерных для особей данного вида, всякое нарушение которых вызывает резкую агрессивную реакцию со стороны других, прежде всего высокоранговых членов группы [32]. Эмпирические исследования обнаружили также существование у стадных и групповых животных так называемого феномена «эмоционального резонанса», обеспечивающего поддержку и взаимопомощь внутри группы [31].

Наличие групповой иерархии, норм, правил стабилизирует и организует групповое поведение, делает возможным появление группового субъекта, что способствует выживанию как группы в целом, так и отдельных индивидов, образующих эту группу. В плане индивидуального развития это приводит к проявлению у индивида такого важного вида мотивации, как мотивация «для других». Хотя конечной задачей этого комплекса является сохранение, однако в его рамках уже возможно развитие. Переход на группоцентрический уровень связан уже не просто с действием, но и с поступком. Ведь в этом случае человек вынужден поступаться своими эгоцентрическими потребностями, интересами, целями, ценностями ради интересов и потребностей группы и таким образом переходить на качественно иные способы взаимодействия, которые являются детерминантами в образовании принципиально новых внутрипсихологических функций и структур. Однако это индивидуальное развитие ограничено теми групповыми нормами и ценностями, которые являются специфическими для каждой группы, и в этой связи возможность индивидуального развития определяется уровнем развития групповых норм, правил, ценностей, морали, культурно обусловленных способов мышления и т.д.

Группа, с одной стороны, «заставляет» развиваться включенных в нее индивидов, но, с другой стороны,

кладет предел такому развитию. Это положение подтверждается и эмпирическими данными. Так, в исследовании Д. Саймонтона [35], направленном на изучение социально-культурного контекста развития интеллектуально одаренных (талантливых) людей, были выделены четыре макросоциальных фактора, влияющих на становление их опыта. Установлено, что внешние влияния на начальных стадиях развития одаренной личности значительно более важны, чем воздействия, оказываемые всей последующей жизнью. Иными словами, талантливые люди формируются или ломаются в детстве, в подростковом возрасте и ранней юности. К числу позитивных для развития одаренности факторов Д. Саймонтон относит наличие ролевой модели одаренного человека. Потенциально одаренный ребенок должен иметь ранний доступ к многочисленным реальным носителям одаренности. В качестве негативного фактора, наряду с войной и политической нестабильностью, Д. Саймонтон называет традиционное образование, которое повышает потенциал одаренности до определенного предела, после которого имеет место негативный эффект вследствие усиления приверженности общепринятым методам решения проблем.

В качестве главных механизмов актуализации функционально-ролевого комплекса в психологической структуре человека (наряду с такими бессознательными механизмами, как идентификация и подражание) можно назвать механизмы «присвоения», интериоризации, формирования. Именно этот комплекс характеризуется такими особенностями функционирования психических функций, как культурно-историческая детерминированность, произвольность и опосредованность.

Основными принципами, регулирующими жизнедеятельность «функционально-ролевого» субъекта, являются принцип реальности, обеспечивающий адекватность поведения человека, и, как следствие, включенность человека в группу; принцип терпения [6], позволяющий отсрочить во времени процесс совершения какого-либо действия от признания субъекта группой и получения эмоционального удовлетворения; принцип ценности [6], обеспечивающий выбор той или иной деятельности или действия в ситуации функционально-ролевого конфликта. На последнем принципе остановимся чуть подробнее.

Человек как функционально-ролевой субъект реально оказывается включенным в различные социальные группы, каждая из которых имеет свои групповую мораль, ценности, нормы, правила, санкции и т.д. Это порождает первую трудность внутренней психологической жизни субъекта. Помимо этого в каждой из этих групп субъект занимает то или иное социальное положение, которое определяется социальной и межличностной ролью или иерархическим социальным статусом. Таким образом, субъект оказывается в положении «присвоенности» многочисленных, часто противоречащих друг другу норм и ценностей, которые приобретают мотивационное зна-

чение и становятся внутренними регуляторами жизнедеятельности субъекта. «Главная проблематичность и устремленность внутренне сложной жизни состоит в том, чтобы избавиться от мучительной необходимости постоянных выборов, выработать «психологический орган» овладения сложностью, который обладал бы мерой измерения значимости мотивов и способностью скреплять жизненные отношения в целостность индивидуальной жизни. Этот «орган» не что иное, как ценностное сознание, ибо ценность – единственная мера сопоставления мотивов» [6. С. 122].

Таким образом, необходимость осуществления субъекта в этом сложном психологическом пространстве требует образования специальной психологической структуры, которая регулировала бы жизнедеятельность и справлялась с трудностями как внутреннего, так и внешнего существования. Очевидно, что такой структурой является личность. Если рассмотреть, в каких понятиях анализируется категория личности в современной психологии, то можно увидеть, что эти понятия прямо соотносятся с выделенными принципами ценности, реальности и терпения. Так, одними из главных составляющих личности разные авторы называют направленность личности, систему ценностных ориентаций, уровень притязаний. Именно в этих личностных структурах отражен *ценностно-иерархический аспект* («личность есть иерархия мотивов» – А.Н. Леонтьев), именно эти структуры обеспечивают соответствующий внутренний выбор в той или иной жизненной ситуации. В понятиях «самосознание личности», «Я-концепция», в их когнитивном и эмоционально-оценочном компонентах анализируется возможность взгляда на себя со стороны, рационального оценивания поведения как адекватного или неадекватного реальности. И, наконец, понятия «волевая регуляция поведения» и «Я-концепция» в их поведенческой составляющей оказываются релевантными принципу терпения.

Последний вопрос, на который нужно ответить, – это вопрос о тех коммуникативных стратегиях, которые проявляют данный психологический комплекс, если они реализуются по отношению к развивающемуся индивиду, а впоследствии являются доминирующими у субъекта, в психологической структуре которого преобладает функционально-ролевой комплекс. Это – так называемые экстракоммуникативные стратегии [11], которые характеризуются тем, что партнеры по общению решают в определенном смысле внешние для них задачи – учебные, трудовые, производственные и т.п. Такого рода общение осуществляется на основе уже имеющихся в культуре норм, правил, принципов, хотя и различающихся в разных социальных группах, но тем не менее обладающих одним общим свойством – довольно высокой степенью предписанности и формализованности, часто закрепленной документально. Осуществление экстракоммуникативных стратегий по отношению к развивающемуся субъекту приводит к интериориза-

ции, усвоению предлагаемых ценностей норм и правил и в конечном итоге их закреплению в соответствующих внутренних психологических структурах – в структуре формально-логического мышления, морально-этического сознания личности в ролевых стереотипах и т.п.

САМОАКТУАЛИЗАЦИОННЫЙ УРОВЕНЬ

Модус развития, так же как и модус сохранения, обнаруживает две основные направленности субъекта: индивидуалистическую и групповую, каждая из которых формирует свой специфический комплекс структур и механизмов. Реализация этого вектора в индивидуалистической среде порождает самоактуализационный уровень. Этот уровень служит максимальной реализацией индивидуальных потенциалов и способностей человека. Он достаточно полно исследован в рамках гуманистического направления в психологии (Г. Оллпорт, А. Маслоу, К. Роджерс). Процесс осуществления человека на этом уровне А. Маслоу осмысливает в понятии самоактуализации, то есть стремлении человека достичь вершины своего потенциала. «Люди должны быть теми, кем они могут быть. Они должны быть верны своей природе» [33. Р. 22]. Другой великий «гуманистический психолог» К. Роджерс описывает существование человека на этом уровне при помощи понятия «полноценно функционирующий» человек. Это термин для обозначения людей, которые используют свои способности и таланты, реализуют свой потенциал и движутся к полноценному познанию себя и сферы своих переживаний. Роджерс выделил пять основных характеристик, общих для полноценно функционирующих людей: открытость переживанию, экзистенциальный образ жизни, организмическое доверие, эмпирическая свобода, креативность [18].

Из вышеприведенных описаний видно, что человек на этом уровне открывается миру и самому себе, и главным в его жизни становится не защита Эго, не исполнение групповых норм, правил, ролей, а свободное творчество, конечной целью которого является познание и осуществление себя как индивидуальной единицы бытия. На этом уровне в структуре личности происходят очень важные изменения, главным из которых является интеграция личности. А.Б. Орлов определяет этот процесс термином персонификация. «Персонификация ... проявляется не в стремлении человека «быть личностью», но в его стремлении быть самим собой... Во всех случаях персонификации мы имеем дело с увеличением зон актуализации человека, с ослаблением противостояния «персоны» и «тени» в личности человека, с отказом от личностных «фасадов», то есть с большим самопринятием человека. Успешно протекающий процесс персонификации усиливает интегрированность личностных структур, повышает степень позитивности, эмпатичности и конгруэнтности (К. Роджерс) человека и тем самым способствует повышению степени общей аутентичности человека своей сущности» [16. С. 11].

Таким образом, основными принципами, в соответствии с которыми функционирует самоактуализационный комплекс, являются принципы творчества [18, 33, 34], свободы и ответственности [23, 24], а механизмом проявления, высвечивания этого комплекса в индивидуальной жизни субъекта является механизм инсайта, озарения. По мнению К. Роджерса, процессом, который дает индивидууму возможность непосредственно обнаружить, открыть, пережить или встретить свою действительную самость, является процесс общения и взаимодействия. Наша личность становится видимой для нас посредством отношений с другими.

Однако не всякое взаимодействие имеет потенциал проявления индивидуальной самости человека, а лишь особым образом организованное. Такое взаимодействие можно осуществить лишь тогда, когда партнеры по общению реализуют интеркоммуникативные стратегии, которые основываются на принципах уважения, а значит, равенства партнеров, и доверия как принципа, обеспечивающего возможность быть открытым и конгруэнтным в коммуникативном процессе. И чем более полным, открытым и конгруэнтным будет общение партнеров, тем больше вероятность обнаружить и принять в самом себе собственную полную природу. «Может быть, я могу обнаружить и подойти ближе к тому, что я действительно есть глубоко внутри – иногда гневу, иногда страху, иногда любви и заботе, иногда красоте, иногда силе, иногда ярости – не скрывая этих чувств от себя. Может быть, я могу придти к тому, чтоб ценить себя как столь богато разнообразного человека, каким я являюсь. Может быть, я открыто могу быть таким человеком. Если так, я могу жить по своим собственным пережитым ценностям, хотя я и знаю обо всех социальных кодах и нормах. Я могу позволить себе быть всей этой сложностью чувств, значений и ценностей со своим партнером – быть достаточно свободным, чтобы отдаваться любви, гневу, нежности, как они существуют во мне, тогда, возможно, я могу быть реальным партнером, потому что я на пути к становлению реальным человеком. И я надеюсь, что могу помочь моему партнеру следовать своим собственным путем к своей личной уникальности, которую я готов с любовью разделить» [18. С. 361]. К. Роджерс утверждает, что общение содержит две одинаково важные фазы: выражение эмоции и открытость к переживанию ответа, реакции партнера. «Я буду рисковать, попытаюсь передать любое длительное чувство, позитивное или негативное, моему партнеру – той полноты и глубины, до какой я сам его понимаю – как живой части меня. Затем я рискну далее попытаться понять, со всей эмпатией, на какую я способен, ее или его реакцию, будь она обвиняющей и критической или разделяющей и открывающей себя» [18. С. 360].

Таким образом, К. Роджерс не просто пропагандирует выражение самих чувств. Он утверждает, что следует также подвергнуться воздействию, которое вы и ваши чувства производят на партнера. Это гораздо труд-

нее, чем просто «выпустить пар» или быть «открытым и честным». Это готовность принять реальный содержащийся в выражении риск: отвержение, непонимание, враждебные чувства, возмездие. К. Роджерс настаивает на необходимости устанавливать и поддерживать этот уровень взаимодействия, что противоречит позиции, полагающей, что нужно быть вежливым, тактичным, обходить острые углы и не касаться текущих эмоциональных проблем.

Степень открытости, конгруэнтности и аутентичности субъекта в конкретном межличностном взаимодействии непосредственно связана со степенью доверия по отношению к партнеру. Чем больше субъект доверяет собеседнику, тем меньше он испытывает страх перед негативными оценками, возможным использованием его откровенности в корыстных целях, и, следовательно, больше он будет открыт и конгруэнтен в общении. Знаменательно то, что в последние годы проблема доверия активно анализируется не только в общей психологии, персонологии, но и в социальной психологии, причем в такой прикладной ее области, как деловые отношения. П.Н. Шихирев отмечает: «Бум исследований доверия в общественных науках приходится на 90-е годы, когда постепенно стало выясняться, что казавшийся простым и самоочевидным объект, подобно дневному свету, содержит целый спектр сложных оттенков. Доверие стало изучаться в различных сферах человеческой жизни: в межличностных отношениях, общественных процессах и, разумеется, в экономике, бизнесе. Доверие приобрело статус «социального капитала», то есть средства, обеспечивающие существование и развитие общества» [25. с. 374].

Л. Хосмер определяет доверие как «опору человека, группы или фирмы на добровольно принятое на себя обязательство другим человеком, фирмой или группой признавать и защищать права и интересы всех сторон, участвующих в совместной деятельности или экономическом обмене» [25. С. 393]. Опираясь на прошедшие проверки теорией и практикой идеи мировой философии, Л. Хосмер сформулировал десять «вселенских» (экуменических) принципов (аксиом) делового поведения, ориентированного на доверие.

1. «Никогда не делайте того, что не в ваших долгосрочных интересах или интересах вашей компании».
2. «Никогда не делайте того, о чем нельзя было бы сказать, что это действие честное, открытое и истинное, о котором можно было бы с гордостью объявить на всю страну, в прессе и по телевидению».
3. «Никогда не делайте того, что не есть добро, что не способствует формированию чувства локтя, чувства того, что все мы работаем на одну общую цель».
4. «Никогда не делайте того, что нарушает закон, ибо в законе представлены минимальные моральные нормы общества».
5. «Никогда не делайте того, что не ведет к большому благу, нежели вреду для общества, в котором ты живешь».

6. «Никогда не делай того, чего ты не желал бы рекомендовать делать другим, оказавшимся в похожей ситуации».

7. «Никогда не делай того, что ущемляет установленные права других».

8. «Всегда поступайте так, чтобы максимизировать прибыль в рамках закона, требований рынка и с полным учетом затрат, ибо максимальная прибыль при соблюдении этих условий свидетельствует о наибольшей эффективности производства».

9. «Никогда не делай того, что могло бы навредить слабейшим в нашем обществе».

10. «Никогда не делай того, что препятствовало бы праву другого человека на саморазвитие и самореализацию» [25. С. 375–377].

Большинство перечисленных принципов делового взаимодействия прямо соотносятся с принципами интеркоммуникативной стратегии, которая, как уже говорилось, является основой коммуникативной стратегии самоактуализирующейся личности.

Основной формой общения самоактуализирующейся личности является диалог. «Быть – значит, общаться диалогически... Один голос ничего не создает и ничего не разрушает. Два голоса – минимум жизни, минимум бытия» [2. С. 338–339]. Особенно важным в понимании диалога у М.М. Бахтина является то, что диалог определяется не наличием самих по себе двух или нескольких субъектов, но наличием двух или несколько полноценных голосов. Только в этом случае возникают собственно диалогические отношения. Все это позволяет М.М. Бахтину различать внешний диалог (различные понимания развиваются не одним, а двумя реальными собеседниками) и внутренний диалог (различные позиции развиваются одним и тем же субъектом) и показать, в частности, что во внешнем диалоге могут участвовать не два (по числу собеседников), а большее число голосов, то есть показать, как внутренние диалоги собеседников переплетаются во внешнем, переходят в него.

Используя такое понимание диалога на уровне конкретного психологического анализа коммуникации, можно выделить, по крайней мере, три основные формы диалога: «эгоцентрический», формально-ролевой, межличностный. «Эгоцентрический» диалог характеризуется сохранением лишь видимого паттерна диалога как поочередного говорения, однако фактически может отсутствовать поочередное слушание. В этом случае имеют место обмен монологическими высказываниями, односторонняя декларация своей позиции, мнения, требования, решения и т.д. без соотнесения с позицией, мнением, решением партнера. Такая форма диалога свойственна общению «эгоцентриков». «Эгоцентрическая доминанта формирует восприятие другого по типу «двойника»: вместо собеседника человек видит свою проекцию» [15. С. 196], «говорит и бредит сам с собой» [22. С. 335]. В формально-ролевом диалоге различные понимания развиваются уже собеседниками, которые не

только говорят, но и слушают друг друга. Однако целью такого и говорения и слушания является соотнесение и подведение своей позиции и позиции партнера к нормативно установленным позициям и точкам зрения.

И, наконец, только межличностный диалог можно назвать настоящим диалогом, поскольку он есть обязательное сочетание внутреннего и внешнего диалога. В этом виде диалога партнеры не только говорят, не только слушают, но и слышат друг друга. Позиция собеседника оказывается не только понятной, но и эмпатически принятой, а значит, включенной во внутреннюю структуру. Внешний диалог «перетекает» во внутренний и наоборот. Именно такая форма общения свойственна самоактуализирующейся личности. «Диалог есть свободное общение свободных людей, коммуникативная форма существования свободы» [5. С. 203]. С.Л. Братченко выделяет в качестве основных атрибутов межличностного диалога следующие: свобода собеседников, их равноправие (взаимное признание свободы), личностный контакт между ними на основе сопереживания и взаимопонимания. Собеседники в диалоге свободны от внешних, внеличностных целей, прагматических интересов, задач убеждения, переубеждения и т.д. Межличностный диалог вообще не имеет никакой конечной цели, хотя это не значит, что решение «внешних» задач диалога исключается, это значит, что решение этих задач является побочным, неглавным, хотя часто и обязательным результатом реального общения. Это общение центрировано на процессе, а не на результате [5. С. 206].

Ведущую роль в диалоге играет свобода самоосуществления, которая определяется как конгруэнтность, подлинность самовыражения, что предполагает веру в себя и доверие к себе, освобождение от страха несоответствия каким-либо внешне заданным нормам, от защит, стереотипов, «маски». Межличностный диалог – самоценное, самодетерминируемое и самодостаточное личностно-центрированное общение. Чем ближе общение к этому уровню, тем оно более спонтанно. Содержание диалога может быть любым, но всегда личностно значимым для собеседников. В диалог способен вступить человек, готовый к реализации своей свободы во взаимодействии с другим. Игнорирование свободы вынуждает искать источники и средства влияния на человека – внешнюю по отношению к «объекту воздействия» силу или, наоборот, его собственные слабости, используя которые можно успешно манипулировать его поведением.

Для операционализации понятия «равноправие» С.Л. Братченко предлагает конструкт «коммуникативные права личности», с помощью которого может быть описана система психолого-правовых оснований общения, определяющая границы свободы собеседников таким образом, чтобы обеспечить их взаимодействие на основе взаимного признания и ненасилия. Основные коммуникативные права – это право на собственную систему ценностей, на самодетерминацию, на достоинство и его уважение, на индивидуальность и её своеобразие,

на независимость, на отстаивание своих интересов [5]. Нарушение этих прав деформирует коммуникативное пространство и изменяет качество общения. Одной из центральных проблем диалога и одновременно одним из источников и механизмов личностного роста является согласование собеседниками своих прав и свобод. Социальность человеческого существования заключается в том, что это всегда сосуществование; свобода каждого человека неизбежно взаимосвязана и постоянно соприкасается со свободой другого. Поэтому возможности неагрессивной самореализации во многом определяются культурой межличностных границ – способностью к их оптимальному определению в каждой конкретной ситуации. Коммуникативные права и ответственность призваны зафиксировать границы свободы субъектов и осуществить переход к невластным отношениям. Это и значит перестать относиться к другому как к вещи и признать его субъектность. В реальном общении достижение равноправия представляет собой сложную проблему, особенно в ситуациях, где собеседники имеют определенные признаки неравенства.

Ответственность за реализацию коммуникативных прав и способ их применения определяется самим субъектом этих прав, исходя из собственного понимания конкретной ситуации. Например, личность может добровольно отказаться от своих прав, сократить пространство своей свободы. Личность свободна ослабить степень диалогичности своего участия в общении или даже вовсе отказаться от диалога.

С точки зрения гуманистически ориентированных психологов самоактуализационный уровень дает человеку совершенно иные возможности развития и проявления его сущности, а именно – отсутствие каких-либо ограничений для развития. Так, А. Маслоу утверждает, что потребность в самоактуализации принципиально ненасытаема [33], К. Роджерс полагает, что хотя и можно говорить о людях, которые достигли большей самоактуализации, чем другие, далее других продвинулись к такому функционированию, которое можно назвать более полноценным, творческим и автономным, однако ни один человек не становится самоактуализированным настолько, чтобы отбросить все мотивы. «Хорошая жизнь» – это не конечный пункт, а направление, в котором человек движется, следуя своей истинной природе [34].

Однако, по мнению целого ряда представителей западной и отечественной психологии этот уровень в развитии личности не является высшим, предельным [11, 15, 21, 25]. Б.С. Братусь отмечает, что «гуманистическая психология – порождение антропоцентрического сознания. Человек здесь поставлен на пьедестал, его «Я», «самость» – единственные и конечные ценности... Это линия, с неизбежностью ведущая к индивидуализму и в конечном итоге – опять к одиночеству человека, замыканию на этот раз на своем самосовершенствовании ради самосовершенствования... Вместе с этим уходят сакральность и тайна, метафизический, духовный компонент развития» [1. С. 39].

ДУХОВНЫЙ, ИЛИ НОЭТИЧЕСКИЙ, УРОВЕНЬ

Модус развития во внешней среде, экстравертная направленность развития порождают духовный, ноэтический психологический комплекс, проявление которого означает вступление человека в высшую фазу своего развития. Психологическое описание этого комплекса представляет собой известную трудность в связи с целым рядом причин как методического и методологического, так и гносеологического порядка. В силу царившей несколько столетий естественно-научной методологии («картезианская» парадигма) в области научных исследований, крайним выражением которой явилась позитивистская парадигма, такие категории, как дух, духовность, были фактически исключены из сферы психологических исследований, за которыми признавался статус научных. Эти категории разрабатывались в рамках религиозных традиций, так называемой эзотерической психологии или в «лучшем случае» – в рамках «религиозных философий». Однако в последние годы появляются работы, пытающиеся ассимилировать категории «духовность», «дух», «душа» в научные исследования [11, 15, 25].

Другой, уже более существенной трудностью исследования проблемы духовности является положение о принципиальной «беспредельности», «неопределимости» духовного Я человека. «Психология не может претендовать на определение понятия «духовное Я» хотя бы потому, что «определить» – значит положить предел беспредельному» [15. С. 197]. Однако это не может и не должно служить поводом для отказа от исследований в этой области. Это должно лишь служить поводом для отказа от позитивистской, сциентистской методологии, которая действительно оказывается неадекватной духовной реальности человека. Современная психология предлагает целый спектр подходов как методологического, так и методического уровня к изучению высших психологических структур человека. Знаменательно и то, что эти подходы формируются в самых разных отраслях психологического знания – общей психологии, персонологии, клинической психологии, социальной психологии. Среди таковых можно назвать феноменологический подход К. Роджерса; различные направления в экзистенциальной психологии; психосинтез Р. Ассаджоли; трансперсональную психологию, транскommунитивный подход В.И. Кабрина; психосемантические подходы; «смысловую» линию в теории деятельности, диалогический подход в психотерапии; социальный конструктивизм, основанный на герменевтических принципах; критическую социальную психологию и др.

Несмотря на различие точек зрения, подходов, методов исследования высших уровней человека, можно выделить ряд методологических положений, которые должны стать основой для исследования духовной сферы человека.

1. Безусловное наличие высших трансперсональных сфер бытия человека: «Онтологическая потребность че-

ловека в трансцендировании, реальное существование которой подтверждается колоссальным эмпирическим материалом, будет независимо от позиции ученых побуждать человека искать объект, могущий ее удовлетворить» [25. С. 390].

2. Пути индивидуального практического достижения и проявления духовности в человеке и путь научно-психологического исследования духовности оказываются максимально сближенными. Работающий в новой парадигме «исследователь учтет опыт самонадеянных предшественников и не будет скорее всего стремиться полностью объяснить, понять, раскрыть и преобразовать действительность. Он будет стремиться к ее «постижению», ограниченному собственными возможностями и непостижимыми до конца законами человеческого бытия» [25. С. 389].

3. Для описания внутреннего духовного пространства человека традиционный научно-психологический язык оказывается неадекватным. Отсюда возникает необходимость создания принципиально иного тезауруса.

Наряду с вышеназванными общими методологическими положениями современные исследования позволяют уже дать и некоторое конкретно-психологическое описание духовной сферы человека. Этот уровень характеризуется преодолением и снятием всех и всяких границ, разделений, дихотомий и противоположностей. Человек одновременно становится максимально дифференцированным и максимально интегрированным. На этом уровне постигаются единство и неразделенность мироздания, а видимый и чувственно воспринимаемый мир «становится», осознается как различные необходимые проявления единого Бытия. Человек вновь, как в младенчестве, «соединяется» с миром, ощущает мир как свое продолжение, а себя – как продолжение мира. Однако если в младенчестве эта слитность с миром проживалась, и сущность, существуя, не осознавала себя, то сейчас сущность начинает себя осознавать, с одной стороны, в конечных дифференцированных психологических (и не только) структурах, функциях, процессах, а с другой стороны, она осознает, открывает непосредственно самое себя как бесконечную духовную единицу. Сущность становится проявленной, преодолевается индивидуалистическое разделенное бытие человека и начинается его непосредственное Бытие, существование в Духе.

Что же в этом случае происходит с Личностью? По мнению Б.С. Братуся, здесь личность «умирает», рождается целостный духовный Человек [4]. Однако с нашей точки зрения, верно второе утверждение, но не первое. Да, действительно, рождается целостный духовный человек, появляется другая, нежели личность, интегрирующая структура. Человек становится проявленным самому себе, однако пока человек «живет в миру», непосредственное проявление его сущности для других не всегда возможно, необходимы опосредствующие структуры и процессы, главными из которых остаются личность и общение.

Но если личность начинает подчинять себе и властвовать над эмоциями, интеллектом, темпераментом, характером и, таким образом, является интегральным, системным качеством в самоактуализационном пространстве человека, так и сущность, высшее духовное Я становится властелином личности (как, впрочем, и других психологических структур) в ситуации проявления духовного психологического комплекса, а сама личность приобретает в предельном смысле слова орудийное, инструментальное значение, то есть начинает, в случае необходимости, сознательно использоваться высшими психологическими образованиями. Образно говоря, личность начинает «знать свое место» и использоваться не для «внутреннего», а лишь для «наружного употребления». «Духовно развивающийся человек не отождествляет себя, свое наличное Я, с духовным Я, постоянно осознавая дистанцию между ними, их «вне-находимость» [15. С. 197].

На духовном уровне цель становится равной способу и принципам существования, которые можно определить как Любовь-Мудрость. Феноменологически это выражается в безусловном принятии себя, других, ситуации, мира вообще («Жизнь мудрее нас»).

Безусловное принятие другого означает то, что человек в любой ситуации видит себя и другого как «растущего индивида», главной целью которого, возможно, не осознаваемой или не до конца осознаваемой, является «пробывание в Духе», просветление, достижение Любви-Мудрости как цели и способа существования. Духовно ориентированный человек принимает именно эту имманентно присущую, сущностную характеристику себя и другого. И в этом смысле он видит всех людей объединенными одной общей целью. Но духовно ориентированный человек, видя эту одинаковую для всех цель развития, безусловно, принимает также и индивидуальность пути и свободу выбора каждого человека на этом пути. «Его отличает скромность и смиренномудрие, милосердие и терпимость к недостаткам и слабостям других» [15. С. 197].

Однако наряду с внутренним смирением и принятием мира и людей такими, каковы они есть, духовно развивающийся человек отличается активностью («побеждай любя»), духовной мощью, которая выражается в альтруизме, желании помочь другому. Но это не та «примитивная» помощь, которая часто способствует лишь реализации эгоцентрических (здесь-и-теперь) мотивов (например, «помоги мне сделать другому плохо», «помоги мне, сделай за меня какую-либо работу»), но истинная помощь, способствующая продвижению другого человека по пути развития. «Духовно ориентированный человек стремится обожить мир, поднять, возвысить себя и мир к Богу, дабы воля Его была «яко на небеси и на земле» [15. С. 45]. В этой цитате заключена очень простая и одновременно очень сложно реализуемая идея: будьте нравственны, любите в человеке истинно человеческое, делайте все для того, чтобы про-

явить и в себе, и в другом не животное, не социальное, и даже не личностное, а духовное.

Главной коммуникативной стратегией духовно развивающегося человека является транскоммуникация [11]. Если общаются два духовных человека, их общение мало похоже на привычные формы коммуникации, когда говорится много слов, испытывается много эмоций, осуществляется много действий; их общение непосредственно, светло, благостно, это такое общение, когда «душа с душой говорит». Однако такое общение встречается редко и возможно лишь тогда, когда общаются два духовных человека. В обычной жизни оно возможно в особых обстоятельствах, в особые моменты жизни, когда люди испытывают друг к другу любовь, когда восприятие природы или произведений литературы и искусства «провоцирует» актуализацию духовной сущности, а также, в другие редкие моменты жизни. Чаще же всего человек, стоящий на более высокой ступени в развитии духовности, общается с людьми, у которых актуализированы низлежащие психологические уровни (эгоцентрический, функционально-ролевой, самоактуализационный). И в этом случае непосредственное духовное общение становится невозможным, партнер обращен к миру не своим духовным Я, а своим наличным, актуальным Я. Общение духовного человека в этом случае с необходимостью приобретает два плана, два слоя. Он, безусловно, принимает духовное Я своего партнера, однако может или даже должен не принимать какие-либо его действия, поступки, эмоции, поведение, детерминированные наличным актуальным Я. В. Франкл пишет, что нельзя не замечать «мудрости, содержащейся в предупреждении Гете: «Если мы принимаем человека таким, какой он есть, мы делаем его хуже; если мы принимаем его таким, каким он должен быть, мы помогаем ему стать таковым» [23. С. 22]. Это вовсе не означает осуждения, негативной оценки, это означает лишь одно: оцениваются поведение, реакции, поступки как способствующие или не способствующие продвижению и актуализации духовности в человеке. Отсюда целью общения духовного человека с партнером становится организация такого взаимодействия, которое бы приблизило обоих партнеров к осознанию и актуализации своей истинной духовной природы. Духовный человек использует в своем общении широчайший спектр коммуникативных стратегий и коммуникативных позиций, начиная со стратегии, основанной на уважении и доверии, заканчивая манипулятивными или даже доминирующими стратегиями. Характерным является то, что ни авторитаризм, ни манипуляции, ни даже доверие не являются самоцелью, но являются средствами продвижения на пути к духовности, средствами, которые в данной ситуации, на данном уровне развития партнеров являются наиболее эффективными для осуществления главной цели.

Проведенный выше анализ понятий «сущность», «личность» и «общение» позволяет по-новому взглянуть

на проблему коммуникативной компетентности. В представленной модели психологической структуры человека такие характеристики, как личность и общение в конечном итоге являются теми средствами и механизмами, которые проявляют, осуществляют, высвечивают или «видовую» (животную и социально-ролевую), или «родовую» (социально-личностную и духовную) сущность человека. Главным модусом существования признается модус развития, тогда как модус сохранения является лишь необходимым условием существования. Целью и смыслом человеческой жизни являются принципиально неограниченное развитие и реализация истинно человеческого в человеке; операционально это можно определить как проявление самоактуализационного и нозетического, духовного психологических комплексов.

Уровневая модель психологической структуры человека позволяет сформулировать основные типы проблем, которые решаются в каждом конкретном акте коммуникации. Эти проблемы можно прямо соотнести с теми основными психологическими уровнями, в рамках которых человек осуществляет себя в процессе жизни. Это, во-первых, «эгоцентрические» проблемы, то есть проблемы сохранения. Эгоцентрический комплекс должен «включаться» тогда, когда имеется прямая угроза целостности индивида со стороны партнера, а все попытки перевести коммуникацию на более высокий уровень терпят неудачу в связи с жесткой авторитарной коммуникативной позицией партнера. В этом случае единственным выходом остается применение «адекватных» мер в целях самосохранения.

Вторым типом коммуникативных проблем являются группцентрические (функционально-ролевые проблемы), отвечающие задачам «организации согласованного действия». Чаще всего эти проблемы являются доминирующими в трудовых ситуациях, в которых необходимость решения групповых (производственных, научных, политических и т.д.) задач заставляет человека действовать в соответствии с групповыми целями, нормами, правилами, социальными ролями часто в ущерб возможностям развития партнеров, участвующих во взаимодействии.

Третьим типом проблем, которые решаются в ходе общения, являются самоактуализационные проблемы. Эти проблемы должны стать главными в межличностном взаимодействии, и его качество определяется тем, насколько в нем удастся решить задачу развития партнеров, участвующих в общении. Очевидно, что самоактуализационные проблемы должны стать ведущими в любых формах педагогического общения, так как главной, конечной задачей педагогики является развитие и рост, а вовсе не формирование знаний, умений и навыков.

И, наконец, четвертым типом проблем можно назвать духовные проблемы, решение которых в индивидуальной жизни обеспечивает разотождествление наличного и духовного Я, осознание духовного единства всех людей, стремление возвысить себя и другого в Духе на ос-

нове внутреннего (но не обязательно внешнего) принятия. Все это в христианской литературе определяется утверждением, что человек есть «образ и подобие Божье». То есть решение духовных проблем в общении позволяет партнерам высветить друг в друге образ Божий и стяжать Его подобие.

Исходя из этих положений, проблема коммуникативной компетентности решается следующим образом. Человека можно назвать компетентным в общении настолько, насколько в этом процессе обоим партнерам удается актуализировать свою индивидуальность или проявить свою духовную природу, а это означает, насколько им в самом процессе коммуникации удается сделать еще один шаг в своем развитии.

Применение эффективных коммуникативных стратегий оказывается принципиально важным прежде всего в педагогическом общении (в самом широком смысле слова: педагогическое общение – это любое общение взрослого и ребенка, а не только учителя и ученика). Т. Гордон [30], анализируя проблему педагогического общения, главным критерием его компетентности назвал сохранение внутренней свободы партнера по общению. Когда учитель взаимодействует с учеником, он может настаивать на своем, требовать, угождать, оправдываться, он может говорить тихо или громко, спокойно или взволнованно. Не это определяет качество общения. Правильным считается такое общение, в результате которого ученик и учитель не теряют *внутренней* свободы. Думается, что приведенное выше положение верно не только для педагогического общения. Эта идея достаточно проста и прозрачна. Однако, как это часто бывает с простыми и красивыми идеями, реализовать ее на практике оказывается чрезвычайно сложно. И эту сложность определяют как минимум два связанных друг с другом фактора – микросоциальный и макросоциальный.

А.Б. Орлов, формулируя положения концепции личности и сущности человека, пишет: «Внутриличностные по своей природе процессы возникновения и развития «персоны» и «тени» в личности человека обусловлены обстоятельствами, относящимися к плану межличностных отношений. «Персона» и «тень» личности складывается тем самым не по своей внутренней логике, но в силу причин, имеющих коммуникативную природу и межличностное происхождение. Они возникают в личности ребенка исключительно потому, что он вынужден общаться со взрослыми, уже имеющими свои «персоны» и «тени». Ребенок вынужден постепенно отказываться от своего универсального «лика», от своей исходной, базовой личности, состоящей из гармоничных мотивационных отношений, функционирующих в логике «ценностного процесса» (К. Роджерс), и вырабатывать «взрослую» личность-индивидуальность, складывающуюся главным образом из «персоны» и «тени» и функционирующую в логике «ценностных систем», то есть фиксированных «позитивных и негативных» ценностей» [16. С. 9]. Таким образом, в уже выросшем

сложившемся субъекте обнаруживаются внутренние психологические дефекты в виде дезинтегрированной личности или определенных коммуникативных стереотипов, не позволяющие такому человеку быть конгруэнтным, аутентичным, общаться открыто, свободно, эмоционально наполненно.

Другим фактором, затрудняющим использование субъектом эффективных стратегий, является такой макросоциальный фактор, как общественные цели и ценности, определяющие уровень развития общества. Человечество на протяжении всей своей истории искало наиболее эффективные формы общественного устройства. Несмотря на то, что эти поиски продолжаются и по сей день, современная философия, наука и практика (речь идет не только о западной цивилизации) признают в качестве наиболее эффективной формы общественного устройства демократическое общество. Так называемые демократические свободы, предоставляемые каждому члену общества, являются минимальной базой всех других свобод человека и создают необходимый фундамент для индивидуально-психологического развития членов общества. Здесь надо отметить, что речь идет об индивидуально-психологическом развитии как о массовом явлении, а не как об экстраординарных случаях «выпрыгивания» из сложившейся социально-психологической структуры, которые, конечно же, можно наблюдать как единичные явления в любых экономических, социальных, политических условиях. Эта связь между возможностями индивидуального развития и общим уровнем развития общества подчеркивается в конкретных психологических и социально-психологических исследованиях. Так, А. Маслоу считает, что актуализация высших потенциалов в общей массе возможна только при «...хороших условиях. Или, более точно, людям нужно «способствующее» общество, в котором можно раскрыть свой человеческий потенциал. С этой точки зрения ни одно общество в человеческой истории не предоставляло оптимальной возможности для самоактуализации всех его членов, хотя, надо признаться, некоторые все же намного лучше других в смысле обеспечения условий для самосовершенствования индивида» [33]. Пытаясь определить критерии психического здоровья, Э. Фромм отмечает: «Термин «нормальный (или здоровый) человек» может быть определен двумя способами. Во-первых – с точки зрения функционирующего общества – человека можно назвать нормальным, здоровым, если он способен играть социальную роль, отведенную ему в этом обществе... Во-вторых, с точки зрения индивида – мы рассматриваем здоровье, или нормальность, как максимум развития и счастья этого индивида.

Если бы структура общества предлагала наилучшие возможности для счастья индивида, то обе точки зрения должны были бы совпасть. Однако ни в одном обществе мы этого не замечаем, в том числе и в нашем. Разные общества отличаются степенью, до которой они способствуют развитию индивида, но в каждом из них

существует разрыв между задачами нормального функционирования общества и полного развития каждой личности, этот факт заставляет прочертить резкую границу между двумя концепциями здоровья. Одна из них руководствуется потребностями общества, другая – ценностями и потребностями индивида» [24. С. 31].

В этом положении Э. Фромм подчеркивает, что до тех пор пока существует разрыв между «целями» общества и «целями» индивида будет присутствовать ситуация внутреннего выбора индивидуальной цели, а значит, и внутренний конфликт, разрешение которого зачастую осуществляется отнюдь не в пользу актуализации человека, но в пользу общественных целей. Таким образом, общество, общественные требования кладут предел и могут препятствовать возможностям личностного и коммуникативного развития человека.

Российский социальный психолог П.Н. Шихирев, выделяя основные источники и факторы, обуславливающие формирование доверия в межличностном взаимодействии (а доверие, как выше было определено, является одним из главных принципов интеркоммуникативных стратегий), в качестве основного называет «общий уровень доверия между людьми, достигнутый в данной социальной системе, или общий объем доверия как «социального капитала» [25. С. 378].

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Общепсихологический анализ проблемы коммуникативной компетентности заставляет признать компетентным лишь такое общение, в рамках которого происходит развитие партнеров.

2. Однако человек в процессе реального общения вынужден решать не только проблемы развития (самоактуализационные и духовные), но и проблемы сохранения («эгоцентрические» и «группоцентрические»). Поэтому, определяя КК, нельзя не учитывать ситуативные аспекты коммуникации: актуальную коммуникативную проблему, решаемую субъектом здесь-и-сейчас, и коммуникативную позицию партнера.

3. Опираясь на приведенные выше положения, можно сформулировать следующее определение коммуникативной компетентности: способность человека использовать коммуникативную стратегию наивысшего возможного в данной ситуации уровня, которая, в свою очередь, определяется уровнем решаемой коммуникативной проблемы и коммуникативной позицией партнера. Или, по-другому, коммуникативную компетентность можно определить как коммуникативную гибкость субъекта, которая обеспечивается, во-первых, наличием в арсенале личности всех возможных коммуникативных стратегий, во-вторых, реализацией коммуникативной стратегии максимально высокого уровня, возможного в данной ситуации, которая определяется уровнем решаемой проблемы и коммуникативной позицией партнера, в-третьих, адекватным использованием приемов, техник общения, соответствующих конкретному моменту самого процесса общения.

Литература

1. Асмолов А.Г. Актуальные методологические проблемы психологии: Доклад, прочитанный на «Первых общепсихологических чтениях» в МГУ в июне 2001 г. М., 2001.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963.
3. Бейли А. Эзотерическая психология: Трактат о семи лучах. Т. 1. М.; Воронеж, 1999.
4. Братусь Б.С. Аномалии личности. М., 1988.
5. Братченко С.Л. Межличностный диалог и его основные атрибуты // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М., 1997.
6. Василюк Ф.Е. Психология переживания: Анализ преодоления критических ситуаций. М., 1984.
7. Выготский Л.С. Развитие личности и мировоззрения ребенка // Психология личности: Хрестоматия. Т. 1. Самара, 1999.
8. Грант В. Эволюция организмов. М., 1980.
9. Емельянов Ю.Н. Активное социально-психологическое обучение. Л., 1985.
10. Жуков Ю.М., Петровская Л.А., Растяжников П.В. Диагностика и развитие компетентности в общении. М., 1990.
11. Кабрин В.И. Транскоммункация и личностное развитие. Томск, 1992.
12. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984.
13. Муравьева О.И. Основные подходы к проблеме эффективности общения и взаимодействия // Психологический универсум образования человека ноэтического. Томск, 1999. С. 311–324.
14. Мяснишев В.Н. Понятие личности в аспектах нормы и патологии // Психология личности: Хрестоматия. Т. 1. Самара, 1999. С. 197–223.
15. Начала христианской психологии / Под ред. Б.С. Братуся, В.Л. Воейкова, С.Л. Воробьева и др. М., 1995.
16. Орлов А.Б. Личность и сущность: внешнее и внутреннее Я человека // Вопросы психологии. 1995. № 2. С. 5–19.
17. Петровская Л.А. Компетентность в общении. М., 1989.
18. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994.
19. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.
20. Слободчиков В.И. Психология человека только начинает складываться // Психология и этика: Опыт построения дискуссии. Самара, 1999. С. 62–67.
21. Уилбер К. Никаких границ. М., 1998.
22. Ухтомский А.А. Доминанта. М., 1996.
23. Франкл В. Воля к смыслу. М., 2000.
24. Фромм Э. Искусство любви. М., 1998.
25. Шихирев П.Н. Современная социальная психология. М., 1999.
26. Юнг К. Психологические типы. М., 1995.
27. Argyle M., Furnham A., Graham J.A. Social situations. L.: Cambridge University press, 1981.
28. Critical social psychology / Ed. By T. Ibanez and L. Iniguez. SAGE, 1997.
29. Gergen K. Toward transformation in social knowledge. N.: Spring. VerL., 1982.
30. Gordon Th. Teacher Effectiveness Training. N.Y., 1975.
31. Greene J. Altruistic behavior in the albino rat // Psychonom. 1969. № 1. P. 47–48.
32. Lorenz K. On aggression. A Bantam book. 1967.
33. Maslow A.H. Motivation and personality. N.Y., 1987.
34. Rogers C. R. A way of being. Boston: Houghton Mifflin, 1980.
35. Simonton D.K. The eminent genius in history: The critical role of creative development. Gifted Child Quarterly. 1978. P. 187–195.

COMMUNICATIVE COMPETENCE AS A PROBLEM OF GENERAL PSYCHOLOGY

O.I. Muravjova (Tomsk)

Summary. In the article correlation of concepts essence, personality, dialogue, communicative competence is analysed. phenomenological description of the basic communicative strategies is given, new definition of communicative competence is proposed.

Key words: essence, personality, dialogue, communicative competence, communicative strategy.